

РЭИ ХАРТ

МАРАТ

Ты станешь моей пленницей

Рэй Харт

**Марат. Ты станешь
моей пленницей**

«Автор»

2026

Харт Р.

Марат. Ты станешь моей пленницей / Р. Харт — «Автор», 2026

Мир Кристины Соколовой - это бриллианты, клубы Москва-Сити и охрана за спиной. Она привыкла, что мужчины смотрят только на папины деньги и её фамилию. Пока однажды всё не идёт не по плану. Отец нанимает ей тренера по тхэквондо - мастера спорта, горца с чёрными глазами и взглядом, от которого невозможно дышать. Он холоден. Требователен. И держит дистанцию, которую она отчаянно хочет разрушить. Но почему его пальцы задерживаются на её талии дольше, чем нужно? Почему он оказывается рядом в самую опасную ночь? И зачем выбрасывает её телефон в окно, прежде чем прошептать: «Я похищаю тебя. Теперь ты моя пленница». Это только первая глава их истории. И пока никто не знает, чем она может закончиться.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Марат. Ты станешь моей пленницей

Глава 1. Королева в клетке из люстр

Бас колотился прямо в солнечном сплетении, когда Кристина сделала ещё один глоток пива. «Vogue» — так назывался клуб — разместился на последнем этаже небоскрёба в «Москва-Сити», и отсюда огни ночного города казались рассыпанными бриллиантами. Внизу, где-то там, в обычной жизни, люди стояли в пробках, переживали из-за процента по ипотеке и спорили о политике. А здесь, на высоте птичьего полёта, текло совсем другое вино.

— Крис, ну посмотри на него! — Вика вцепилась ей в предплечье, оставив на коже горячие следы от влажных пальцев. — Твой брат просто... боже. Кто ему сшил этот пиджак? Я хочу знать имя портного.

Кристина проследила за взглядом подруги. Стас стоял у дальней стойки в компании каких-то серьёзных парней с вечно озабоченными лицами. На нем был угольно-черный пиджак, сидевший так, словно его шили на заказ в самом Неаполе — мама когда-то рассказывала про таких портных, в далёкой прошлой жизни, когда ещё не уехала к своему испанскому графу. Её брат потягивал виски и кивал, явно не слушая ни одного слова из того, что ему говорили. Кристина знала эту его привычку: включить режим «важного слушания», а самому решать в уме логистические задачи на три хода вперёд.

— Вик, ты спрашиваешь про портного каждые полчаса. — Кристина отставила пустой бокал и откинула волосы за спину. Они упали тяжёлой волной, доставая почти до талии — каштановые, густые, с рыжеватым отливом при вспышках стробоскопа. Эту гриву она действительно любила, возможно, чуть-чуть больше, чем заслуживает человек любить собственные волосы. — Если ты сейчас же не перестанешь смотреть на моего брата, я всё ему расскажу, и он будет делать вид, что тебя не существует. А он это умеет. Это у нас в крови.

Вика сильно прикусила губу и уставилась в свой бокал с розовой жидкостью — тем, что пьют девушки, которые ещё не научились пить по-настоящему. Марина, третья в их маленьком трио, только закатила глаза и пошла сдавать навязчивые комплименты очередному парню в расстегнутой рубашке. Марина умела это делать так красиво, что мужчина уходил с чувством, будто его отшили, но он заслужил это как орден.

Кристина сегодня даже не напрягалась. Потому что метрах в пятнадцати, как обычно, прислонившись к мраморной колонне, стоял её личный щит. Гриша. Телохранитель. Почти сто пятьдесят килограммов скупающей угрозы.

В свои сорок пять Григорий выглядел так, будто в прошлой жизни был медведем, которого поймали, переучили и заставили носить чёрный костюм. Хмурый вечно, слова от него можно было добиться только по делу, и то — междометиями. Шея толщиной с талию Кристины. Затылок квадратный.

Он работал на её отца двенадцать лет, а охранял её — последние четыре, с того самого вечера, когда какой-то идиот с камерой полез к ней на выходе из ресторана. Отец тогда даже не занервничал. Он просто посмотрел на своего начальника службы безопасности — и всё. Кристина видела этот взгляд. Холодный, спокойный, как лезвие. Через два дня того парня больше не было в стране.

Девушки в клубе называли Гришу «шкафом». За глаза, разумеется. В лицо с ним никто не заговаривал.

— Давай ещё потанцуем, — предложила Кристина, хватая Вику за руку. — Хватит мечтать о моем брате, у тебя потекла слюна на подбородке.

— Нет! — Вика машинально провела ладонью по губам.

Кристина от души рассмеялась — громко, чуть запрокинув голову. Три глотка пива сделали мир мягче по краям, а звуки — приятнее.

Они вышли на танцпол втроем: впереди Крис с королевской осанкой, сзади Марина, виляющая бёдрами в такт треку, и Вика, которая двигалась так, будто извинялась за то, что занимает чужое пространство. Вспышки света выхватывали лица, плечи, шеи. Кристина чувствовала взгляды — десятки, нет, сотни. Она привыкла. Когда ты дочь человека, которого прочат в президенты, каждый взгляд — это или лесть, или провокация. Третьего не дано.

Музыка набрала обороты, низкие частоты завибрировали в грудной клетке. Крис закрыла глаза и повела плечами — тяжёлая волна волос скользнула по лопаткам, и кто-то сзади выдохнул слишком громко. Она даже не обернулась.

Первый парень подошел через минуту.

— Привет, красотка. Не скучаешь?

Кристина открыла один глаз. Парень как парень — стрижка под ноль, челюсть квадратная, взгляд самоуверенный. Такие подходят с одной и той же фразой, будто им её выдают на входе в клуб.

— Нет, — сказала она.

— А зря. Я мог бы...

— Ты мог бы отойти от меня на три шага, и твоя жизнь стала бы значительно длиннее и счастливее. — Она улыбнулась самой сладкой своей улыбкой — той, от которой у одних подкашивались колени, а у других подозрительно дёргался глаз. — Выбирай.

Парень хохотнул сначала нервно, потом обиженно. Оглянулся на друзей. Те подталкивали локтями — мол, давай, не трусь. Он сделал шаг вперёд и протянул руку к её талии.

Кристина не сдвинулась с места. Только приподняла бровь.

За её спиной, словно материализовавшись из воздуха, возникла тень. Гриша не говорил ни слова — он вообще не умел разговаривать в таких ситуациях. Он просто оказался рядом. Плечо — на два корпуса выше плеча парня. Лицо — с таким выражением, будто он размышлял, сломать гостью руку или только несколько пальцев, ради профилактики.

Энтузиазм парня сдулся мгновенно. Рука упала, как отрезанная. «Извини» прозвучало так тихо, что музыка его почти заглушила. Он ретировался, увлекая за собой дружков, которые вдруг резко потеряли интерес к танцполу.

Гриша без единого слова вернулся к колонне. Прислонился. Хмуро уставился в одну точку на противоположной стене. Будто ничего и не случилось.

— Боже, — выдохнула Вика, прижимая руки к щекам. — Он всегда такой... страшный. Я хочу сказать — пугающий.

— Он лучший, — пожалала безразлично плечами Кристина. — Папа знает, кого брать на работу.

При упоминании отца её голос изменился — потеплел, стал глубже. Это всегда происходило, даже когда она просто произносила «папа». Андрей Сергеевич Соколов, пятьдесят три года, рост сто восемьдесят шесть, глаза серые, волосы с благородной сединой на висках. Человек, который из ничего построил империю. Который мог позвонить премьер-министру и сказать: «Слушай, это мне не выгодно, давай по-другому». Который развёлся с её матерью, когда Кристине было четырнадцать, и сделал это тихо, без скандалов, просто выплатив ей все, что было оговорено брачным контрактом, и даже больше. Мама уехала в Испанию, вышла замуж за какого-то Антонио, родила мальчика. Кристина видела его фото один раз — случайно, в телефоне у отца. Младенец с упругими чёрными кудряшками, назвали Матео. Она тогда закрыла папин смартфон и больше никогда его не трогала.

Мама стабильно звонила раз в полгода. Кристина сбрасывала. Иногда отвечала — сухо, формально. «Как дела? — Нормально. — Как папа? — Хорошо». И так, по кругу. Разговор длился минуту, не больше.

Девушка не злилась. Она просто перестала в ней нуждаться. Когда человек уезжает и через полгода присылает открытку с новой фамилией и новой жизнью — это не злость. Это холод. Который со временем превращается в равнодушие.

— О! — Марина вдруг подалась вперед, вытянув шею. — Смотри, там какой-то новенький. Никогда его здесь не видела.

Кристина лениво обернулась.

Там, у самого входа в вип-ложу, стоял парень. Один. Без компании. Руки в карманах брюк, плечи расслаблены. Одет просто — чёрные джинсы, белая футболка с длинным рукавом, часы — обычные, не хайповые. Светловолосый, но не блондин, скорее — русский, с рыжиной, которую даже при этом освещении было видно. Невысокий? Нет, выше среднего. Но не каланча, как её брат.

И лицо. Лицо было интересным — не модельным, не приторно-красивым. Скулы острые, подбородок волевой, нос с лёгкой горбинкой — такой бывает у людей, которые в детстве не боялись уличных драк. Глаза — светлые, кажется, серые или зелёные, отсюда не разобрать. И улыбка. Он ни на кого не смотрел, но уголки губ были чуть приподняты, будто он про себя вспоминал что-то забавное.

— Не мой тип, — вынесла вердикт Марина и отвернулась.

Вика вообще не смотрела — она снова нашла взглядом Стаса и теперь мысленно раздевала его в четвёртый раз за вечер.

А Кристина... Кристина вдруг поняла, что смотрит на этого парня уже тридцать секунд. И не может оторваться.

Был в нем какой-то диссонанс. В этом клубе, где каждый старался казаться важнее, чем есть — нацеплял часы за полмиллиона, закатывал рукава, чтобы видно было тату, говорил громче, чем нужно — он стоял молча, без защиты кружка друзей, без айфона в руке. Просто смотрел на танцпол с лёгким любопытством, как человек, который изучает жизнь на чужой планете.

Кристина сделала еще глоток пива. В банке оставалось на доньшке.

— Гриш, — крикнула она, не оборачиваясь. — Я сейчас отойду ненадолго. Не пугайся.

Гриша ничего не ответил — он никогда не отвечал на такое. Но Кристина знала: он её услышал.

Она поставила банку на столик, поправила платье — короткое, шелковое, цвета «расплавленное золото» — и пошла. Не танцуя, а именно пошла, спокойно, покачивая бёдрами ровно настолько, насколько это было естественно. Волосы струились за спиной, как тёмный водопад.

Подошла.

Он заметил её сразу же — взгляд скользнул снизу вверх: от туфель на тонкой шпильке к коленям, к талии, к лицу. Без пошлости. Просто внимательно.

— Привет, — сказала Кристина. — Ты здесь один?

— Привет, — уголок его губ дёрнулся чуть выше, чем у другого. — Да. А ты всегда подходишь к незнакомым мужчинам?

— Только когда выпью пива.

— И много ты выпила?

— Достаточно, чтобы подойти, и недостаточно, чтобы об этом пожалеть.

Он рассмеялся — коротко, горлом. Кристина вдруг поняла, что этот смех ей нравится. И это было странно — обычно мужские смешки в клубах звучали как приглашение или как похвальба. Его смех был просто смехом.

— Меня зовут Даня, — сказал он.

— Крис.

— Знаю.

Она замерла на месте. Совсем на чуть-чуть. Но он заметил — его глаза блеснули.
— Шучу, — добавил он. — Не знаю, я тебя. Просто красивое имя. Подходит тебе.

— А Даня подходит тебе?

— Не знаю. А что должно подходить? Даня — это для друзей. Для врагов я Даниил.

— А для девушек, которые сами подходят к тебе в клубе?

Он наклонил голову, разглядывая её так, будто она была загадкой, которую ему хотелось разгадать, но без лишней спешки.

— Для них я пока просто «прости, я не танцую».

Кристина прищурилась. Хорош. Очень хорош.

— А сейчас ты танцуешь?

— Сейчас — да.

Он протянул руку — открытую ладонь, жест не навязчивый, скорее приглашающий. Кристина секунду подумала. Это было неправильно. Её учили не подходить к незнакомцам. Её папа учил. Гриша учил. Брат повторял каждую неделю: «Ты не обычная девочка, Крис. На тебе клеймо. Твоя фамилия — это повод для одних и мишень для других».

Но сегодня было слишком душно. И пиво было слишком холодным. И этот парень смотрел так, будто ему было всё равно, кто её отец.

Она вложила ладонь в его.

Пальцы у него были прохладными, мягкими — не удивительно для такого ухоженного вида. Кристина отметила это и сразу забыла, о чём думала. Музыка снова накрыла их с головой.

Танец не был чем-то выдающимся — они двигались в такт, но не вплотную, с дистанцией, которая то сокращалась, то увеличивалась. Он не торопился её касаться. Не лез целоваться, как делали девяносто процентов парней на втором треке знакомства. Просто держал за руку — легко, не сжимая — и иногда смотрел в глаза.

— Ты всегда так смотришь? — спросила Кристина, когда трек сменился на более медленный.

— Как?

— Будто ищешь в моем лице, что-то интересное.

— А что, обычно на тебя смотрят иначе?

— Обычно на меня смотрят как на большую сумму денег, на своём счету.

Даня чуть прищурился.

— А ты не хочешь, чтобы на тебя так смотрели?

Она хотела сказать «да». Но отчего-то промолчала.

Они танцевали ещё минут десять, а может, пятнадцать. Время размякло, как мороженое на жаре. Вика и Марина куда-то исчезли — наверное, в дамскую комнату, обсуждать её смелость за изрисованными помадой зеркалами и поправлять тональный. Гриша по-прежнему стоял у колонны. Кристина одним глазом видела его тень — огромную, неподвижную.

— Знаешь, — Даня вдруг наклонился ближе, его дыхание коснулось её виска. — Ты очень красивая. Но ты это сама знаешь.

— Знаю, — не стала скромничать Крис.

— И это, наверное, надоедает.

Она удивилась второй раз за вечер.

— Почему ты так решил?

— Потому что красивым девушкам постоянно кто-то что-то обещает. Цветы, звезды, вечность. А потом оказывается, что обещали для того, чтобы залезть под юбку.

Кристина рассмеялась — искренне, во весь голос, как умела. Посетители обернулись. Гриша слегка насторожился.

— Подожди, — сказала она, отсмеявшись. — То есть ты считаешь, что мужчины — козлы, и ты исключение?

— Я не говорил, что исключение. — Он улыбнулся тем краем рта, который был немного выше другого. — Мужчины хотят одного. И девушки знают, чего хотят мужчины. И все делают вид, что это большой секрет.

— Философ, — фыркнула Кристина, но беззлобно. — В этом клубе философов не бывает. Ты кто по жизни?

— Человек.

— Этого мало.

— Пока тебе хватит. — Он положил ладонь ей на поясницу, притянул к себе. — А ты кто по жизни?

Кристина хотела сказать «дочь Андрея Соколова». Но это прозвучало бы как выстрел из пушки по воробьям. И потом — она устала. Устала от того, что её личность сводилась к папиной фамилии.

— Я — Кристина, — просто сказала она. — Которая выпила две банки пива и смело подошла к незнакомцу.

— Мне нравится эта версия.

Они ещё потанцевали. Даня дважды пытался что-то сказать, но музыка перебивала. Тогда он просто улыбался — и Кристина ловила себя на том, что ждёт этой улыбки, ловит её, как свет от диско-шара.

А потом всё пошло не так.

Он проводил её к столику — Марина с Викторией уже сидели там, шептались, и при его появлении резко замолчали. Даня заказал коньяк, Кристина — еще пива. Вика уставилась на него с любопытством сытого кота, Марина отвернулась демонстративно, показывая, что ей плевать.

— Может, проводить тебя до дома? — спросил он, когда часы на телефоне показали половину третьего.

— Нет, спасибо. — Кристина покачала головой. — У меня свой, постоянный провожатый.

— Я заметил. Тот дядька у колонны твой?

— Мой.

— Выглядит надёжно.

— Он надёжнее любого сейфа.

Даня кивнул и вдруг шагнул ближе. Не то чтобы резко, но граница была нарушена. Его рука легла ей на бедро — выше колена, туда, где платье заканчивалось и начиналась кожа. Пальцы скользнули чуть выше.

Кристина напряглась.

— Убери руку, — сказала она предостерегающе.

— Да ладно, ты же сама подошла, — его голос потерял ту лёгкую нотку иронии, сменившись чем-то более тяжёлым. — Не ломайся.

Она посмотрела ему в глаза. Вот оно. Вот то самое мгновение, когда маска приличий спадает, и под ней — обычная кобелиная суть. Она видела это сотни раз. На вечеринках, на ужинах, на светских раутах. Красивые слова — дешёвая упаковка для одного и того же.

— Я сказала — убери.

Он не убрал. Даже наоборот — сжал пальцы, впиваясь в её кожу, и дёрнул на себя.

Кристина не закричала. Она просто вздохнула, как вздыхают учителя, когда ученик в сотый раз не выучил таблицу умножения.

Гриша был рядом через секунду. Сто пятьдесят килограммов скупающей ярости материализовались за спиной у Дани так бесшумно, что тот даже не вздрогнул — он просто вдруг оказался оторван от Кристины, а потом — на полу. Процесс занял меньше времени, чем моргнуть.

— Не надо! — Кристина тронула Гришу за рукав, когда тот наклонился, чтобы «помочь» Дане подняться — таким образом, после которого помощь требуется врачам. — Просто выведи его.

Гриша посмотрел на неё. Молча кивнул — чуть заметно, только уголком массивной челюсти.

Даню подняли за шиворот — легко, как котёнка — и поволокли к выходу. Парень пытался что-то сказать, что-то выкрикнуть, но руки Гриши перекрыли ему кислород, и слова превратились в хрип.

Кристина проводила их взглядом. У выхода Гриша обернулся — перехватил её взгляд. Она кивнула: «всё в порядке». Он исчез за дверью.

— Ну и козел, — выдохнула Вика. — А показался нормальным.

— Все они сначала кажутся нормальными, — задумчиво заметила Марина, ковыряя соломинкой свой коктейль.

Кристина села на свободный диван, закинула ногу на ногу. На бедре остались красные следы от пальцев — пять маленьких отметин завтрашнего дня. Она провела по ним ладонью.

«Ты сама подошла».

Да. Сама. Потому что он казался мне не таким, как все. Потому что его улыбка была искренней. Потому что он не знал её фамилии — или притворялся, что не знает.

Второе, увы, было вероятнее.

Гриша вернулся через три минуты. Сел на свой обычный стул в углу, достал телефон. Начал что-то печатать — пальцами, толстыми, как сардельки, но невероятно быстрыми. Кристина знала: он докладывает отцу. Или начальнику охраны. Или всем сразу.

Она поднесла ко рту новую банку пива, сделала глоток. Горько. Не понравилось.

— Поехали домой, девочки, — сказала она подругам. — Надоело.

— А как же Стас? — жалобно спросила Вика, оглядываясь в поисках брата Кристины.

— Стас останется здесь. Со своими серьёзными дядьками. — Кристина встала, поправила волосы, которые за время танцев рассыпались и теперь лежали небрежно, но чертовски красиво. — А у меня завтра в одиннадцать встреча с деканом. И он, в отличие от всех, кого я сегодня видела, не пытался меня облапать.

Гриша стоял у лифта, спиной к ней, проверяя, свободен ли путь.

Кристина достала телефон. В уведомлениях внеплановый — пропущенный от мамы. Два часа назад.

Она смахнула уведомление влево. Удалила.

Холод внутри неё был таким же привычным, как этот клуб, как эти люди, как эти парни, которые сначала улыбаются, а потом тянут руки туда, куда нельзя.

— Крис! — крикнула из коридора Марина. — Ты идёшь?

— Иду.

Она посмотрела на входную дверь, за которой только что скрылся Даня — или Даниил, или кто он там был. Наверное, он уже в такси, трясёт ушибленной челюстью и прокликает «эту сучку».

Будет что рассказать за утренним кофе своим друзьям. Кристина улыбнулась криво, безрадостно.

Первый вечер лета. Ничего особенного. Просто очередное доказательство того, что её отец был прав: «Доверять можно только семье. Остальные — или хотят что-то от тебя, или хотят что-то от твоего кошелька».

Девушка шагнула в лифт. Гриша нажал кнопку «первый этаж». Двери закрылись, отрезая шум клуба, тяжёлые басы, приглушённые голоса.

Она выдохнула.

Завтра будет новый день. Новые встречи. Новые разочарования.

А сегодня — сегодня она просто поспит восемь часов, и Гриша будет сидеть в холле, и всё будет как всегда.

Правильно. Безопасно. Привычно.

Лифт поехал вниз.

Глава 2. Тренер, от которого бросает в дрожь

Солнце било сквозь панорамные окна спальни, когда Кристина еле открыла глаза. Лида, её горничная, опять рано раздвинула шторы. В комнате было тихо — только где-то далеко, за тройным стеклопакетом, Москва начинала свой суматошный день. Здесь же, на двадцатом этаже жилого комплекса «Крылья», столичный гул превращался в едва слышный фон, похожий на дыхание огромного спящего зверя.

Кристина перевернулась на спину, раскинув руки поверх шёлкового покрывала. Волосы разметались по подушке каштановыми змеями — она лениво подумала, что надо бы заплетать их на ночь, но, конечно, никогда не станет этого желать.

Потолок в её комнате был не просто белым. Он был расписан — два года назад она наняла знаменитого художника, но в итоге половину работы сделала сама. Облака, в которых угадывались силуэты. Птицы, летящие куда-то вдаль. И одна маленькая девочка на качелях, которая смотрит вниз.

Спальня тонула в светлых тонах — кремовый, шампань, слоновая кость. Только акценты: изумрудные подушки, бархатное кресло у окна, да на стене — её собственная работа, масло, вид на старый Арбат. Она рисовала не часто, но когда бралась, могла просидеть за мольбертом всю ночь. Марина говорила: «У тебя талант, дура». Отец говорил: «Главное, чтобы это не мешало учёбе». Она рисовала для себя — и этого было достаточно.

В углу комнаты, почти незаметный, горел электрический камин. Летом он стоял выключенным, но Кристина любила просто смотреть на его фальшивые, но уютные языки пламени. Гриша однажды сказал, что это «напрасная трата хорошей розетки». С тех пор она включает камин каждый вечер — просто чтобы позлить его.

— Кристина Андреевна, — раздался голос из динамика домофона. Горничная Лида. — Ваш завтрак готов.

— Спускаюсь через двадцать минут, — крикнула она, даже не приподнимаясь.

Будильник на телефоне показывал девять тридцать. Встреча с деканом в одиннадцать. Успеется.

Она поболтала ногой, разглядывая собственные пальцы на фоне белого постельного белья. Ногти были идеальными — свежий маникюр, цвет «пыльная роза». Вика уговорила на стразики, но Кристина велела снять последние два. Слишком пафосно.

«Интересно, — подумала она вдруг, — а что сейчас делает тот парень из клуба? Даня? Спит, наверное, где-нибудь в своей квартире с похмелья. Или жалуется друзьям, как его выкинул здоровенный шкаф».

Она ухмыльнулась.

Вставать не хотелось. Тело приятно ныло после вчерашних танцев — и ещё кое-где, на левом бедре, где остались красные следы от пальцев. Кристина опустила взгляд. Синячки уже проступил — красные, с чёткими очертаниями пяти пальцев.

«Красиво», — подумала она с какой-то странной гордостью. Следы борьбы. Даже если борьба была смехотворно короткой.

Лида, как всегда, накрыла завтрак на веранде — неприлично большой балкон, застеклённый, с видом на набережную. Смузи из манго, овсянка с ягодами, зелёный чай. И отдельно — круассан, который Кристина не попросила, но Лида клала его каждое утро. Просто так, для девичьей радости.

Она пила чай и листала ленту. Марина уже выложила сторис — тёмное видео из такси, подпись: «Обратно ползём, как улитки». Вика скинула в общий чат голосовое — три минуты, и Кристина даже не стала слушать. Знала: там про Стаса. Всегда про её брата.

«Девчонки, — написала она, — я к декану в одиннадцать. Вечером увидимся».

Ответ пришёл мгновенно от Марины: «Ты там не забудь спросить про хвосты, а то на сессии нам будет плохо».

От Вики: «Передай привет универу. Я лучше посплю».

Кристина допила чай, сунула круассан в рот целиком — крошки посыпались на белый шёлк пижамы. Лида потом всё уберёт.

Университет — один из самых престижных в Москве, экономический факультет. Папа настоял. Кристина хотела на дизайн, но спорить с отцом было себе дороже.

«Экономист — профессия на все времена, — сказал он тогда, и голос его не терпел возражений. — А рисовать будешь в свободное время». Она не спорила. Никогда не спорила с ним.

Декан, сухой старичок в очках с толстыми линзами, обрадовался ей, как родной. Ещё бы — дочь Андрея Соколова, который через год-два, по слухам, займёт кресло. Кристина сдала два долга за десять минут, получила автограф в зачётку и выпорхнула из кабинета, чувствуя себя... никак. Пусто. Как всегда после разговоров с этими людьми.

Она достала телефон — и тут же он зажужжал в ладони.

«Папа».

Кристина ответила на втором гудке.

— Привет, папуля.

— Кристина. — Голос отца — ровный, спокойный, но в нём всегда была эта нотка, от которой хотелось вытянуться по струнке. Даже разговаривая по телефону. — Как сходила к декану?

— Нормально. Всё закрыла.

— Умница. Слушай, у меня к тебе разговор.

Она замерла посреди коридора, пропуская какого-то профессора с кипой бумаг. Тот бросил на неё быстрый взгляд и ускорился. Кристина умела производить эффектное впечатление.

— Я слушаю.

— С завтрашнего дня, — отец говорил серьёзно, — ты начинаешь ходить на тхэквондо. Пять раз в неделю. Утром. За тобой будут присылать машину, чтоб ты не пропускала занятия. Я ведь тебя знаю.

Кристина моргнула.

— Что?

— Ты слышала. Я нанял тебе тренера. Мастер спорта международного класса, лучший в стране. Позанимаешься с ним до конца лета, а дальше посмотрим.

— Пап, — она постаралась, чтобы голос звучал спокойно, но в нём уже прорезались знакомые нотки возмущения. — Зачем мне тхэквондо? У меня есть Гриша.

— Гриша — хороший человек, — отец не повысил тона, но каждое слово стало тяжелее. — Но Гриша не всегда может оказаться в нужном месте в нужное время. А ты — моя единственная дочь. И я за тебя переживаю. Сильнее, чем ты можешь себе представить.

— Пап, но...

— Никаких «но». — Теперь в его голосе появился приказной тон. Тот самый, который Кристина слышала только когда отец разговаривал с провинившимися подчинёнными. Или с ней, когда она переходила черту дозволенного. — Ты меня поняла?

Она с силой сжала телефон.

— Поняла, — выдавила послушная дочь.

— Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Эти парни... — Он замолчал на секунду, и Кристина услышала, как он выдохнул. Редко отец позволял себе такие паузы. — Я тебя очень люблю. И мне будет спокойнее, если ты сможешь хотя бы немного за себя постоять. Гриша — это хорошо. Но Гриша — это внешняя защита. А я хочу, чтобы внутри тебя тоже был стержень. Опять же, дисциплину свою подтянешь, мне все твои клубы с бестолковыми парнями, совсем не по душе.

Кристина покорно молчала. Потому что когда папа говорил «я тебя очень люблю», спорить было невозможно.

— Можно мне взять с собой девчонок? — спросила она наконец, уже сдаваясь. — Всё равно каникулы. Марина давно хотела заняться спортом, а Вике просто полезно.

— Можно, — отец смягчился. — Но они должны относиться серьёзно. Это не фитнес-клуб, это боевое искусство.

— А кто тренер?

— Марат. Он кавказец, настоящий профессионал. Твой брат ходит к нему уже два года, и Стас доволен. Лучшего во всей Москве не найти.

Кристина чуть не подавилась воздухом.

— Стас? Брат ходит на тхэквондо?

— Да. И поверь, ему это помогло. Не раз. — Голос отца стал загадочным. — Ты даже не представляешь, сколько раз.

— Ладно, — она вздохнула, представляя, как Вика сейчас завизжит от восторга. — Завтра так завтра.

— Молодец. Я горжусь тобой.

Он отключился. Кристина ещё минуту стояла посреди университетского коридора, глядя на потухший экран телефона.

Гриша, который ждал её у выхода, заметил её напряжённое лицо и поднял бровь — максимальное проявление эмоций, на которое он был способен.

— Что-то случилось?

— Папа отправил меня на тхэквондо, — сказала Кристина, проходя мимо него.

Гриша одобрительно хмыкнул — это было похоже на скрежет гравия под колёсами.

— Правильное решение, — сказал он.

— Ты на чьей стороне?

— На твоей. Поэтому и говорю: правильное.

Она зло сунула телефон в сумку.

На следующее утро Москва встретила их привычной духотой — начало июня, воздух плавится над асфальтом, даже в шесть утра уже плюс двадцать пять. Машина отца — чёрный «Мустанг» с тонировкой — подъехала к дому Кристины ровно в пол восьмого, как по расписанию.

Вика вылезла из авто заспанная, с растрёпанным хвостом и огромными солнцезащитными очками, закрывающими пол-лица.

— Крис, ты вообще в своём уме? — простонала она, едва Кристина села на заднее сиденье. — Тхэквондо? Я проснулась в семь! Это же варварство.

— Не ной, — Кристина поправила спортивную сумку. — Ты сама согласилась.

— Я согласилась, потому что ты сказала, что там будет Стас, — призналась Вика и тут же прикусила язык, покраснев до корней волос.

Кристина закатила глаза.

— Ты невыносима.

Марина сидела спереди, полностью собранная — гладкий пучок на затылке, лёгкий макияж, одежда сидит идеально. Она вообще ко всему относилась как к миссии: хоть к учёбе, хоть к дракам.

— Давно хотела заняться чем-то серьёзным, — сказала она, не оборачиваясь. — Йога — это не спорт.

Спорткомплекс оказался неожиданно скромным — никаких вывесок с золотыми буквами, никаких понтов. Просто здание из серого кирпича, вывеска «Зал тхэквандо» на двери, да резиновый коврик у входа, чтобы вытирать ноги.

— Выглядит... аутентично, — протянула Вика, оглядываясь.

Внутри оказалось светло и просторно. Высокие потолки, огромные окна от пола до потолка, за которыми зеленели деревья. Зеркала во всю стену. Маты на полу. Толстый канат висящий от потолка. В углу — стойка с водой и несколько простых скамеек. И главная достопримечательность — стена, полностью увешанная наградами. Кубки, медали, грамоты в рамках. Фотографии: молодой мужчина в кимоно, с поднятым кубком, на пьедестале, с группой учеников.

Кристина подошла поближе, разглядывая снимки. На всех был один и тот же человек — высокий, черноволосый, с острым взглядом. На некоторых фото он едва улыбался — но как-то сдержанно, будто не умел.

«Марат Дагаев, мастер спорта международного класса, многократный чемпион России и Европы», — гласила табличка на самой большой рамке.

— Ого, — выдохнула Марина за её спиной. — Серьёзный дядька.

В зале уже было несколько человек — двое парней в белых кимоно отрабатывали удары у дальней стены, и ещё одна девушка, хрупкая блондинка, сосредоточенно била ногой по мешку. Больше никого.

— Ну и где мой супер-пупер тренер? — громко и с вызовом произнесла Кристина, уперев руки в бока.

Она ждала эффекта на свой призыв. Может, кто-то выбежит, может, прозвучит фанфара. Ничего не произошло — только парни на минуту прервались, покосились на неё и вернулись к тренировке.

— Глупо звучало, — шепнула Вика в её сторону.

Кристина уже открыла рот, чтобы ответить, как дверь в дальнем конце зала открылась.

И из кабинета вошёл он.

Кристина от удивления неприлично открыла рот.

Очень высокий — под метр девяносто, наверное. Широкие плечи, которые, казалось, едва помещались в дверном проёме. Тёмные волосы, слегка вьющиеся на концах, зачёсаны назад — но одна прядь выбилась и падала на лоб. Глаза — тёмные, почти чёрные, с таким пристальным взглядом, будто он видел не просто человека, а все его слабые места.

Лёгкая небритость, которая делала его не неряшливым, а... опасным. Приятно опасным.

На нём было белое кимоно, подпоясанное чёрным поясом — Кристина знала, что чёрный — это высший уровень. Рукава закатаны до локтя, открывая сильные, жилистые предплечья. Никаких татуировок — по крайней мере, видимых. И лицо — с резкими скулами, прямым носом, чёткой линией подбородка. Лицо человека, который никогда не проигрывает.

— Вы новенькие? — спросил он спокойным, низким голосом.

Кристина закрыла наконец рот — и не издала ни звука.

Потому что когда он смотрел на неё — а смотрел он именно на неё, остальные как будто растворились — она чувствовала мурашки. Неприличные, запретные мурашки, которые ползли от шеи по позвоночнику и дальше, куда им совсем не следовало ползти.

— Мы, — выпалила Марина, толкая Кристину локтем. — Мы новые. Андрей Сергеевич записал нас вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.